

Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ
РЕЖИМЫ

Концептуальная структура

Том 1

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2022

УДК 316.325
ББК 60.521.8
М13

Редактор серии
Т. Вайзер

Мадьяр, Б., Мадлович, Б.

М13 Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Том 1 / Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович; пер. с англ. Ю. Игнатъевой под ред. А. Решетникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 744 с.: ил. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-1737-7 (т. 1)

ISBN 978-5-4448-1739-1

ISSN 1815-7912

После распада Советского Союза страны бывшего социалистического лагеря вступили в новую историческую эпоху. Эйфория от краха тоталитарных режимов побудила исследователей 1990-х годов описывать будущую траекторию развития этих стран в терминах либеральной демократии, но вскоре выяснилось, что политическая реальность не оправдала всеобщих надежд на ускоренную демократизацию региона. Ситуация транзита породила режимы, которые невозможно однозначно категоризировать с помощью традиционного либерального дискурса. Балинт Мадьяр и Балинт Мадлович поставили перед собой задачу найти работающую аналитическую модель и актуальный язык описания посткоммунистических режимов. Так появилась данная книга, предлагающая обновленный теоретический инструментарий для анализа акторов, институтов и динамики современных политических систем стран Центральной Европы, постсоветского региона и Китая. Как в автократиях нейтрализуются институты демократического публичного обсуждения? Почему Китай можно назвать «диктатурой, использующей рынок»? В чем разница между западными популистами и популистами из посткоммунистических стран? Вот лишь небольшой список вопросов, на которые дает ответы эта книга. Балинт Мадьяр — венгерский социолог, политик, бывший министр образования и культуры Венгрии. Балинт Мадлович — венгерский политолог, экономист и социолог, MA in political science Центрально-Европейского университета.

УДК 316.325 + 94(439) «1989/201»
ББК 60.521.8 + 63.3(4Вен)64

Иллюстрация на обложке: © Picture by IADA on iStock

© Bálint Magyar, Bálint Madlovics, 2022
© Ю. Игнатъева, перевод с английского, 2022
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Слова благодарности	5
Дополнительные онлайн-материалы	8
<i>Алена Леденёва. Предисловие</i>	9
Введение	19
В ловушке языка демократизации	19
Неприменимость существующих моделей к описанию посткоммунистического пространства	24
Многомерная аналитическая структура: расширяя концептуальное пространство	42
Как это работает: создание концептуального инструментария	53
Как на это смотреть: структурный аспект	57
Как это читать: и учебник, и научный труд	62
Как это организовано: структура книги	65

1. Жесткие структуры

1.1. Гид по главе	72
1.2. Тезис А: Тип режима зависит от разделения сфер социального действия	76
1.3. Тезис В: Разделение сфер совпадает с цивилизационными границами	84
1.3.1. Цивилизации и три исторических региона	84
1.3.2. Базовая структура отсутствия разделения сфер в феодальном обществе	93
1.4. Тезис С: Коммунистические диктатуры остановили и «повернули вспять» процесс разделения сфер	104
1.4.1. Базовая структура неразделенных сфер социального действия при коммунистической диктатуре	104
1.4.2. Влияние коммунизма на разделение сфер в разных регионах	111

1.5. Тезис D: Демократия не повлияла на уровень разделения сфер	116
1.5.1. Базовая структура отсутствия разделения сфер при демократических режимах	116
1.5.2. Однопирамидальные и мультипирамидальные системы: определяющие факторы демократизации в трех исторических регионах	130
1.6. После гибридологии: Режимы, расположенные в треугольном концептуальном пространстве	138

2. Государство

2.1. Гид по главе	148
2.2. Общие определения:	
Основные концепты нашей структуры	151
2.2.1. Режим, государство, насилие и принуждение	152
2.2.2. Элита, правящая элита, патронализм и неформальность	157
2.2.2.1. <i>О понятиях «элиты» и «неэлиты»</i>	157
2.2.2.2. <i>Патримониализм, неформальность и общий характер правящих элит в трех режимах полярного типа</i>	160
2.2.2.3. <i>Стратификация патрональных пирамид: одноуровневые и многоуровневые единые пирамиды</i>	174
2.3. Доминирующий принцип функционирования государства	179
2.3.1. Общественные интересы, интересы элит и реализация идеологии	179
2.3.2. Государство в демократиях и диктатурах: от конституционного государства к партии-государству и от государства — «ночного сторожа» к государству развития через государство всеобщего благоденствия	187
2.4. Анализ государств, движимых интересами элит	192
2.4.1. Уровни толкования. Какова природа правящей элиты?	195
2.4.2. Уровни толкования. С помощью каких действий происходит апроприация государственных институтов?	201

2.4.3. Уровни толкования. С помощью каких действий происходит апроприация собственности?	206
2.4.4. Уровни толкования: Каковы, с точки зрения законности, действия, направленные на максимизацию интересов элит?	215
2.4.5. Объединяя уровни толкования для различных измерений: определение мафиозного государства	222
2.4.6. Сравнимая конституционное и мафиозное государства: нормативность и дискреционность	228
2.5. Монополия на насилие и связанные с ней проблемы	239
2.5.1. Государственная несостоятельность, силовые предприниматели и олигархическая анархия	239
2.5.2. Легитимное применение насилия. Типология	247
2.5.3. Субсуверенное мафиозное государство	257
2.6. Невидимая рука и грабящая рука: Сравнительная структура для типов государств	262

3. Акторы

3.1. Гид по главе	276
3.2. Три сферы социального действия	279
3.3. Политические акторы в трех полярных типах режимов	284
3.3.1. Президент / премьер-министр — верховный патрон — генеральный секретарь партии	285
3.3.2. Кабинет — двор патрона — политбюро	288
3.3.2.1. <i>Основные определения.</i>	288
3.3.2.2. <i>Посткоммунистические региональные различия: «новогодняя елка» Назарбаева, столы Путина, VIP-ложка семьи Орбана . . . . .</i>	290
3.3.3. Политик — полигарх / политическое подставное лицо — партийный функционер высокого уровня	293
3.3.4. Доверенное лицо — рука патрона (смотрящий) — партийный функционер среднего / низкого уровня	297
3.3.5. Госслужащий — патрональный служащий — аппаратчик	301

3.3.6. Государственная служба безопасности — служба безопасности патрона — партийная служба безопасности	307
3.3.7. Демократическая партия (партия политиков) — партия патрона (партия вассалов) — централизованная партия (партия функционеров)	310
3.3.8. Управляющая партия — партия — «приводной ремень» — партия-государство	318
3.3.9. Оппозиционная партия — маргинализируемая / прирученная / абсорбированная / ликвидированная / фейковая партия	326
3.4. Экономические акторы в трех режимах полярного типа	336
3.4.1. Предприниматель — олигарх — руководитель государственного предприятия	337
3.4.1.1. Сравнение предпринимателей и руководителей государственного предприятия	337
3.4.1.2. Сравнение главных предпринимателей и посткоммунистических олигархов	342
3.4.1.3. Типология олигархов и нарушение олигархической автономии в патрональных автократиях	350
3.4.1.4. Олигарх-ренегат и выбор вариантов «верность — голос — выход из приемной политической семьи»	362
3.4.2. Лоббист — брокер-коррупционер — толкач	368
3.4.3. Экономическое подставное лицо (подставная компания)	373
3.5. Общинные акторы в трех режимах полярного типа	380
3.5.1. Гражданин — слуга (клиент) — объект	381
3.5.2. НПО — ГОНГО — ОПР (организация — «приводной ремень»)	383
3.5.3. Независимая церковь — клиентарная церковь — репрессированная церковь	386
3.5.3.1. Основные определения	386
3.5.3.2. Региональные особенности церковно-государственных взаимоотношений в посткоммунистическом регионе	389

3.6. Правящая элита в смешанных сферах.	
Приемная политическая семья	395
3.6.1. Что такое приемная политическая семья	395
3.6.1.1. Почему приемная политическая семья — это не класс	397
3.6.1.2. Почему приемная политическая семья — это не феодальная элита	402
3.6.1.3. Почему приемная политическая семья не является номенклатурой	407
3.6.1.4. Уникальный характер приемной политической семьи	411
3.6.2. Антропологический характер приемной политической семьи	414
3.6.2.1. Тип связей: Типология посткоммунистических кланов	415
3.6.2.2. Подчиненный строй: роль отца семейства	422
3.6.2.3. Вассализация и построение карьеры при поддержке патрона	424
3.6.2.4. Клань или трибы? Нелояльность и аморальная семейственность	426
3.6.3. Как верховный патрон распоряжается своим статусом и имуществом	429
3.6.3.1. Предоставление защиты: крыша, порядок ограниченного доступа и накопление имущества	429
3.6.3.2. Нарушение целостности: угроза, преследование и атака	434
3.7. Структура элиты в шести режимах идеального типа	439
3.7.1. Элиты в трех полярных типах режимов	443
3.7.1.1. Либеральная демократия: автономные элиты, демократическая политическая элита	443
3.7.1.2. Коммунистическая диктатура: инкорпорированные элиты, тоталитарная политическая элита	445
3.7.1.3. Патрональная автократия: патронализированные элиты, монополистическая патрональная политическая элита	447

3.7.2. Элиты в трех промежуточных типах режимов	450
3.7.2.1. Консервативная автократия: частично автономные элиты, авторитарная политическая элита	450
3.7.2.2. Диктатура с использованием рынка: частично инкорпорированные элиты, доминантная политическая элита.	452
3.7.2.3. Патрональная демократия: частично патронализованные элиты, конкурирующая патрональная политическая элита	455

4. Политика

4.1. Гид по главе	460
4.2. Гражданская легитимация и представления об общем благе	463
4.2.1. Гражданская легитимация как основа современных государств	463
4.2.2. Гражданская легитимация в либеральных демократиях: конституционализм	466
4.2.3. Гражданская легитимация в патрональных автократиях: популизм	471
4.2.4. Гражданская легитимация в коммунистических диктатурах: марксизм-ленинизм	482
4.2.5. Типы легитимности по Веберу: популизм как требование легально-рациональной легитимности	488
4.3. Институты публичного обсуждения в трех режимах полярного типа	492
4.3.1. Дискуссия: СМИ и сферы коммуникации.	497
4.3.1.1. Четыре права СМИ	497
4.3.1.2. Открытая, закрытая и контролируемая сферы коммуникации	498
4.3.2. Объединения: протесты, группы интересов и партийные системы	517
4.3.2.1. Протесты: мобилизующие и демобилизующие структуры	519
4.3.2.2. Протесты против политики и против легитимности	534

4.3.2.3. Группы интересов в трех режимах полярного типа	538
4.3.2.4. Партийные системы с патрональным и непатрональным типом деления на партии	543
4.3.3. Избрание: кампании, выборы и референдумы	554
4.3.3.1. Маркетинговая кампания, кампания, формирующая лояльность, и кампания с приостановлением прав	555
4.3.3.2. Типология выборов	564
4.3.3.3. Голосование без фазы объединения: референдумы	574
4.3.4. Законотворчество: политика, законы и законодательные органы	579
4.3.4.1. Публичная, силовая и патрональная политика	582
4.3.4.2. Законы и правовые системы в соответствии с их легитимацией	585
4.3.4.3. Легализованная коррупция? Классификация организованной преступной деятельности криминального государства	600
4.3.4.4. Принимающий решения законодательный орган и законодательный орган — «приводной ремень»	606
4.3.5. Применение власти: суды, обвинение и институты государственного принуждения	611
4.3.5.1. Равенство до и после закона: от нейтрального к политически выборочному правоприменению	611
4.3.5.2. Суды и обвинение: от доказательств через сфабрикованное обвинение к компромату	619
4.3.5.3. Демократический и автократический легализм	632
4.3.5.4. Белое, серое и черное принуждение.	642
4.4. Защитные механизмы: стабильность, эрозия и стратегии консолидации демократий и автократий	650
4.4.1. Либеральные демократии: разделение ветвей власти и гражданское общество	654
4.4.1.1. Опасность и сдерживание автократических тенденций.	654
4.4.1.2. Фракционная борьба: свобода социальных групп и четыре автономии гражданского общества	660
4.4.1.3. Эрозия защитных механизмов: конституционный переворот и автократический прорыв	665

4.4.2. Патрональные демократии: разделение сетей власти и цветные революции	672
4.4.2.1. Динамическое равновесие конкурирующих патрональных сетей	672
4.4.2.2. Институциональные защитные механизмы: исполнительно-распределительная форма правления и пропорциональная избирательная система	678
4.4.2.3. Общественные защитные механизмы: пресечение попыток установления автократии и возврат к патрональным демократиям через цветные революции	685
4.4.3. Патрональные автократии: разделение ресурсов власти и проблема передачи власти	696
4.4.3.1. Неудавшиеся цветные революции: монополярная структура консолидированных патрональных автократий	696
4.4.3.2. Защита от давления извне: автократическая консолидация	702
4.4.3.3. Защита от давления изнутри: разделение ресурсов власти	712
4.4.3.4. Проблема передачи власти: постепенность, законное наследование и хромые утки	720
4.4.4. Обращение автократических изменений вспять: парадигма критики режима и демократическая консолидация	725
4.4.4.1. Электоральная и экстраэлекторальная реституция, используемая для смены правительства и режима	725
4.4.4.2. Автократическая деконсолидация и демократическая консолидация	731

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Когда в конце 2016 года мы задумывали эту книгу, планировалось, что это будет разработка концептов, описанных в статье Балинта Мадьяра «К терминологии посткоммунистических режимов», которая вошла в сборник трудов «Жесткие структуры: переосмысление посткоммунистических режимов» (Будапешт; Нью-Йорк: Изд-во ЦЕУ, 2019). Сейчас эта книга представляет собой нечто гораздо большее, и это было бы невозможно без поддержки множества людей, помогавших на различных стадиях ее написания.

В процессе работы над книгой авторы были стипендиатами различных программ Института передовых исследований Центрально-Европейского университета (ЦЕУ) и Научно-исследовательского экономического института в Будапеште. Помимо финансовой помощи, мы чрезвычайно благодарны ЦЕУ за прекрасные исследовательские условия, включая доступ к превосходной библиотеке и ряду научных журналов. Институт передовых исследований ЦЕУ также помог организовать семинар совместно с международными исследователями, который стал одним из трех мероприятий, где обсуждалась концепция данной работы. За организацию двух других семинаров (с участием венгерских ученых) мы благодарим Институт *Republikon*, а также Институт социальных отношений при Факультете общественных наук Университета имени Лоранда Этвёша (ELTE). Мы получили полезные замечания и признательны всем, кто участвовал в обсуждении, в особенности Александру Фисуну, Михаилу Минакову, Николаю Петрову, Андрею Рябову (семинар ЦЕУ), Габору Хорну, Марии М. Ковач, Йозефу Петеру Мартину, Петеру Михайи (семинар *Republikon*), а также Дьёрдю Чепели, Золтану Флеку, Палу Юхасу и Анталу Оркеню (семинар ELTE).

Кальман Мижеи, преданный сторонник нашего проекта на протяжении долгих лет, посетил два из этих трех семинаров. Эта работа была бы невозможна без его уникального взгляда на постсоветские страны. Мы благодарим его за абсолютное бескорыстие, с которым он поделился с нами своими знаниями и опытом. Те же слова мы могли бы адресовать Ивану Селеньи, которому признательны за чтение рукописи и дружную помощь в ходе проекта.

Моделировать траектории режимов (см. Главу 7) нам помогли несколько экспертов-страноведов, а именно: Атила Ара-Ковач, Андраш Берецки, Золтан С. Биро, Мария Чанади, Андраш Деак, Андраш Кёрёшеньи, Кальман Мижеи, Милош Ресимич и Петер Вамош. Мы благодарим их за визиты в ЦЕУ, готовность отвечать на наши вопросы и анализировать данные. Выражаем признательность Будапештскому центру исследования коррупции и лично Иштвану Яношу Тоту, который проанализировал более ста тысяч госзакупок Венгрии. Мы использовали результаты его исследования для краткого комплексного анализа эволюции коррупции в Венгрии (см. Главу 5). Мы также признательны Тибору Сатмари и команде *RenderNet*, которая разработала 3D-модель нашей «треугольной» концепции, а также Габору Лигети за его помощь в создании веб-сайта книги (www.postcommunistregimes.com).

Мы выражаем особую благодарность студентам курса Алены Леденёвой «Управление и коррупция» (Университетский колледж Лондона, осень 2019 года), которые прочитали раннюю версию рукописи и внесли наиболее ценные предложения. Благодарим также Майкла С. Зеллера за его комментарии и компетентную редактуру. Мы получили критические замечания от Андраша Бозоки, Ласло Чабы, Генри Е. Хейла и Юлии Кирай. Нам также помогли Клаудия Баез-Камарго, Балаж Бенкё, Янош Борис, Жольт Эньеди, Миклош Харрасти, Давид Янчич, Янош Корнаи, Мартон Козак, Балаж Кремер, Алена Леденёва, Армен Мазмяян, Клара Шандор,

Карой Аттила Шоош, Андреа Сабо, Янош Секи, Мердад Вахаби, Эва Вархеди, Балаж Ведрес и Цзяннань Чжу. Мы признательны всем им.

Мы счастливы, что у нас есть семья и дети, которые помогали нам на протяжении всего времени работы над рукописью, начиная от замысла и заканчивая последними штрихами. Простое «спасибо» не может выразить нашей благодарности. Без них у нас не было бы сил закончить этот труд и с радостью и энтузиазмом над ним работать.

Никто из перечисленных выше людей не несет ответственности за ошибки или мнения, высказанные в этой книге.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОНЛАЙН-МАТЕРИАЛЫ

Веб-сайт www.postcommunistregimes.com создан по материалам данной книги и содержит следующие разделы:

- **Некоторые главы из книги;**
- **План семинарского занятия**, а также учебный план и 11 презентаций для курса о посткоммунистических режимах (для магистерского или аспирантского уровня);
- **Интерактивная 3D-модель траекторий** посткоммунистических режимов;
- **Дополнительные материалы**, включая приложение (раскрывающее особенности траекторий режимов, которые наглядно описываются только в Главе 7).

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Алена Леденёва, профессор Университетского колледжа
Лондона, основательница Global Informality Project*

В 1980-е годы, когда я была студенткой, в Советском Союзе не существовало социологии в качестве официально признанной научной дисциплины. Но это не означает, что я не могла ею заниматься. Как это часто бывало при «реальном социализме», «все было запрещено, но все было возможно». Вдалеке от Москвы социологи из Сибирского филиала Академии наук СССР еще с 1960-х годов проводили социологические исследования. Отдел социальных проблем Института экономики выпустил несколько секретных работ о социальных проблемах сельских территорий Сибири. Одна из этих работ, так называемый новосибирский манифест, в котором описывался огромный разрыв между идеалами коммунизма и реальным положением дел при застойном социализме, просочился в «Вашингтон Пост» (*The Washington Post*) и был опубликован там в августе 1983 года. Советские реалии теневой экономики и неформального управления сформировали принципы и методологию экономической социологии, которая зародилась в отделе, где трудилась Татьяна Заславская.

Эта работа, как и многие другие, написанные сибирскими социологами, создавалась под влиянием их венгерских коллег, которые уже исследовали идеологически периферийных субъектов неравенства и социального расслоения при социализме, распределение доходов и структуру привилегий. Я помню их самиздатовские переводы, которые мы активно распространяли, обсуждали, тестировали и применяли. Исследование Ивана Селеньи о социальном неравенстве, элитизме и скрытой маркетизации в рамках социалистического

режима и вывод Яноша Корнаи о систематической природе его дефектов — политике «мягких бюджетных ограничений», государственной собственности и идеологическом характере принятия решений — носили исключительно подрывной характер¹. Но в то же время эти ранние исследования социализма пробудили интерес к изучению его внутренней логики и показали всю сложность социалистических систем, а также противоречия в коммунистическом способе управления.

Они обнаружили серые зоны, которые стали гораздо более очевидны в ретроспективе. Можно сказать, что Венгрия, если не прямо, то косвенно, была флагманом экономических реформ. Корнаи писал:

Между 1968 и 1989 годами политическая власть коммунистов не рассматривала вопрос о введении института частной собственности в экономику. Несмотря на это частная собственность начала спонтанно формироваться, как только политическая сфера стала более открытой².

Похожая амбивалентность наблюдается в больших масштабах в Китае, где в 1989 году коммунистическая партия повторно заявила о своей приверженности недемократическим ценностям, жестоко подавив протесты на площади Тяньаньмэнь. Однако в то же самое время власти не только допускали развитие рынков и частного сектора, но и всячески способствовали ему.

Именно способность коммунистических партий сочетать несочетаемое — поддерживать идеологию в условиях, когда реальность намного сложнее, верить и при этом оставаться прагматичными, закрывать глаза на одни обстоятельства

¹ *Kornai J. Economics of Shortage. Amsterdam: North-Holland, 1980.*

² *Kornai J. What the Change of System from Socialism to Capitalism Does and Does Not Mean // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. № 1. P. 29.*

и применять наказания при других, вовлекать, но при этом строго контролировать — позволяла поддерживать жизнеспособность довольно изоциренного социалистического управления. Именно эти практики двоемыслия, двойных стандартов, двояких мотиваций и двояких деяний упустили из виду проповедники демократии с момента падения Берлинской стены в 1989 году. Они считали, что, как только люди получают свободу от коммунизма, они обратятся к демократии. Последствия же оказались гораздо более сложными.

Каким бы недолговечным ни казалось существование социалистических режимов наблюдателю из XXI века, чрезвычайно важно осознать их многолетние исторические последствия и извлечь уроки по преодолению идеологических ограничений и проблем в управлении, а также осознать всю сложность «реального» социализма. Тридцать лет спустя мы продолжаем наблюдать эффект бумеранга от эйфории 1991 года, невероятного счастья по поводу победы над врагом номер один и восторженной самоуверенности, преобладающей в демократическом дискурсе со времен высказывания «милостью Божией Америка выиграла холодную войну».

В результате, после сокрушительного краха коммунистической идеологии по всей Европе и Азии, интеллектуальная сцена в 1990-е годы оказалась под влиянием приверженцев¹ переходной экономики и теоретиков постсоциализма². В первом десятилетии XXI века и особенно после вступления бывших социалистических стран в Европейский союз в 2005–2007 годах проявилась озабоченность по поводу языка транзита, которую стали озвучивать компаративисты, изучавшие три глобальные волны демократизации. Страны

¹ World Bank. *Transition: The First Ten Years: Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union*. Washington: World Bank, 2002; World Bank. *Economics in Transition: An OED Evaluation of World Bank Assistance*. Washington: World Bank, 2004.

² Müller M. Goodbye, Postsocialism! // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. № 4. P. 533–550.

с переходной экономикой отказались от авторитарных диктатур, но так и не пришли к консолидированной демократии¹.

Тезис о «конце парадигмы транзита» указывает на прева-лирование серых зон, в которых оказались переходные страны, а также на неспособность ученых описать эти режимы без отсылок к несуществующим полюсам авторитарно-демократической бинарной оппозиции. Главное затруднение можно сформулировать следующим образом: у политологов накопи-лась критическая масса примеров политического устрой-ства, которые нельзя однозначно категоризировать. Все эти примеры попадают в серую зону, определяемую как «ни то, ни другое» либо «и то, и то», что ставит под сомнение ва-лидность самих бинарных оппозиций². Балинт Мадьяр и Ба-линт Мадлович обращаются к этой теоретической проблеме, описанной обществоведами уже довольно давно, в контексте посткоммунистических режимов³.

«Посткоммунистические режимы» Мадьяра и Мадло-вича — это в первую очередь очень своевременная книга. Когда-то так называемые посткоммунистические режимы были тестовой площадкой для нормативных и уверенно ре-комендуемых всем как универсальное лекарство демократи-ческих реформ, представляющих из себя неолиберальный макроэкономический пакет преобразований, основанных на формуле «открытие — прорыв — консолидация» (*opening — breakthrough — consolidation*) как главной логической схеме

¹ *Kapozers T.* Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.

² *Ledeneva A.* The Global Encyclopaedia of Informality. Vol. 1. London: UCL Press, 2018.

³ *Merton R.* Sociological Ambivalence & Other Essays. New York: Free Press, 1976; *Bourdieu P.* In Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology. Stanford: Stanford University Press, 1990; *Bauman Z.* Modernity and Ambivalence // Theory, Culture and Society. 1990. Vol. 7. P. 143–169; *Magyar B., Madlovics B.* Stubborn Structures: A Path Dependence Explanation of Transitions in the Postcommunist Region // Social Research: An International Quarterly. 2019. Vol. 86. № 1. P. 113–146.

демократизации. Впоследствии элиты внутри этих режимов стали размышлять над собственной судьбой и искать легитимность скорее внутри собственных границ, чем за их пределами. Возникшие управленческие кризисы в демократических режимах подтолкнули к поиску адекватных способов описать то, что не смогли объяснить бинарные оппозиции, такие как капитализм и социализм, умелое и плохое управление, демократия и авторитаризм. Сложность посткоммунистических режимов, не укладывающихся в парадигму транзита или радикально сменивших политический курс, привела к тому, что состоятельность дедуктивных теоретических подходов¹ — как один, нормативно нагруженных и американоцентричных — была поставлена под вопрос.

Недостаточное внимание ученых к амбивалентности социализма привело к категоризации режимов по принципу их прошлого (пост-), по принципу степени реализации своей телеологии (квази- и полудемократии, а также разнообразные демократии с прилагательными вроде «нелиберальный») или по свойствам их гибридной природы (гибридные режимы). Совершенно очевидно, что гибридные режимы являются таковыми только с точки зрения стороннего наблюдателя, который предпочитает упаковать ускользающую от понимания амбивалентность в обертку гибридности. Эта категория позволяет построить нарратив и разработать концепцию для анализа краткосрочной перспективы. Но в представлении самих участников в этих режимах нет ничего гибридного. Есть явные и скрытые практики, сложное переплетение правил и норм, различные категории, описывающие столкновение интересов, однако единое понятие, ясно описывающее такой режим, всегда остается недостижимым. Пожалуй, понятие гибридности является практическим решением, позволяющим

¹ Дедуктивный метод предусматривает формулирование общих, оторванных от конкретных примеров теорий, с последующей их проверкой на основании эмпирических данных (*прим. пер.*).

отложить необходимость осознания присущей таким режимам амбивалентности и всех связанных с ней сложностей в государственном управлении, — проблемы, которая, конечно, не ограничивается посткоммунистическим миром.

Эта книга предпринимает амбициозную попытку собрать воедино концепты, доказавшие свою состоятельность и релевантность как для инсайдеров, так и для наблюдателей посткоммунистических режимов. Собственно, она и начинается с замечания о том, что «язык, используемый для описания [постсоциалистических] режимов», давно устарел. Главный вклад авторов в этом отношении состоит из двух частей. Во-первых, они составляют ультрасовременный словарь по принципу снизу вверх, для того чтобы уравновесить господствующую сегодня нисходящую модель описания постсоциалистических траекторий. Во-вторых, что еще более амбициозно, они создают полноценные карты возможных постсоциалистических траекторий, которые увели рассматриваемые режимы от идеологической гегемонии, бюрократической структуры и плановой экономики, но так и не привели их в объявленный пункт назначения. Как и предыдущий проект Балинта Мадьяра, эта книга исследует «жесткие структуры» и присущий им «эффект колеи», который определяется сильным влиянием глубоко укоренившихся норм на политическую реальность, скрывающуюся за фасадом лишь формально реформированных институтов. Авторы связывают эти нормы с «неформальными, часто намеренно скрытыми, замаскированными и незаконными соглашениями и договоренностями, которые проникают в формальные институты».

«Жесткие структуры» рождают множество междисциплинарных коннотаций, начиная от «социального действия» Макса Вебера, «повседневности» Мишеля де Серто, «практических норм» Жана-Пьера Оливье де Сардана и заканчивая «высококонтекстными культурами» Эдварда Холла,

«насыщенным описанием» и «локальным знанием» Клиффорда Гирца, «неявным знанием» Майкла Полани, «глубинными структурами» Ноама Хомского и т.д. Через социальные взаимодействия люди формируют общие представления о «правилах игры», о том, как этим правилам следовать и как их обходить¹. Индивидуальные стратегии решения проблем основываются на коллективных ожиданиях, зависимых от контекста норм и результатах повседневной деятельности, которая считается уместной. Эта деятельность может обосновываться историческими предпочтениями, культурным наследием, религиозными ценностями, всеобщим молчаливым пониманием и привычным поведением, которые противоречат поведенческим моделям, основанным на теории рационального выбора. В значительной мере такие практики отвечают за откат демократизации и низкую эффективность усилий по демократическому транзиту в постсоциалистической Европе и Азии, а также за сохранение «жестких структур».

Авторы анализируют огромный пласт академической литературы, пытаясь найти подходящие определения для политических практик подобного рода, а также опираются на собственные исследования. Их главная цель — предложить сбалансированную и многоуровневую аналитическую модель для описания посткоммунистических режимов. По сути, они создают теоретический «словарь» или «набор концептуальных инструментов», помогающий понять и описать ключевых акторов и (зачастую неформальные) институты. Выбирая формат для получившегося в итоге набора концептов, траекторий и терминов, как эмических, так и этических², авторы

¹ North D. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97–112; Ledeneva A. Unwritten Rules: How Russia Really Works. London: Centre for European Reform, 2001.

² Эмический подход предполагает взгляд изнутри, глазами инсайдера, тогда как этический подход подразумевает взгляд снаружи, глазами стороннего наблюдателя (*прим. пер.*).

останавливаются на чем-то среднем между энциклопедией и анатомическим описанием.

У энциклопедического формата есть свои достоинства и недостатки. Несмотря на подчас чрезмерную описательность и директивность, он позволяет подойти к сбору данных индуктивно, то есть снизу вверх, а также принять во внимание неупрощаемую сложность политических реалий и создать условия для экспериментального анализа посткоммунизма и его комплексного моделирования.

В рамках анатомического описания авторы разбивают свой материал на функциональные кластеры: политика, экономика и общество, структуры и акторы. Очевидным преимуществом такого формата является тот факт, что, приняв предложенную классификацию, можно изучить подробно одну или несколько сфер жизни конкретного режима и узнать о существующих аналитических подходах, не тратя время на более всеохватывающий анализ. Недостатком, пожалуй, является то, что невозможно, строго говоря, взять одну организацию или один институт и отнести их к одному конкретному кластеру. Так, например, церковь может фигурировать в каждом из кластеров, так как она не только выполняет разнообразные общественные функции, но и играет важную роль в экономической и политической сферах, часто извлекая экономическую выгоду и политический капитал из столкновений с исполнительной властью.

Размышляя над структурой своей «Глобальной энциклопедии неформальности» (*The Global Encyclopaedia of Informality*), я столкнулась с похожей проблемой. Одна и та же практика могла быть симптомом сетевого перераспределения, групповой солидарности, личного выживания или системного принуждения. Эта проблема еще раз подчеркнула важность феномена амбивалентности в функционировании тех практик, которые мы пытаемся описать. Для своего проекта я изначально выбрала энциклопедический принцип, то есть

принцип, основанный на неидеологизированном, неиерархическом и негеографическом сборе данных. Затем я объединила накопившийся материал, созданный в основном сообществами пользователей и написанный их собственным языком, в онлайн-версии своей энциклопедии (www.in-formality.com). Для удобства исследования я также разделила весь массив данных на пересекающиеся кластеры, сгруппированные по разным принципам.

Похожим образом авторы «Анатомии посткоммунистических режимов» придерживаются структуралистского подхода, обусловленного вниманием к аналитическому языку. Они исследуют сложность и многомерность посткоммунистических режимов, не просто каталогизируя существующие понятия, но связывая их друг с другом и выстраивая широкую и всеобъемлющую теоретическую базу, по сути, создавая новый язык для описания посткоммунистических режимов. В основном авторы концентрируются на категориях довольно высокого порядка, то есть на тех, которые используют сторонние наблюдатели: патрональная демократия, консервативная автократия, диктатура с использованием рынка. Например, понятие «приемная политическая семья» подразумевает родственные и квазиродственные связи, которые создают ассоциации акторов, объединенных по принципу, резко отличающемуся от тех, что лежат в основе социального класса, феодальной элиты или номенклатуры. Инновационные методы, такие как, например, предложенная авторами треугольная концептуальная структура, авторская интерпретация некоторых понятий, а также случаи концептной натяжки, необходимой для того, чтобы уместить используемые понятия в предложенную теоретическую модель, могут потрясти тем колоссальным трудом, который вложили авторы в написание этой работы. Однако в высшей степени амбициозные цели и огромный объем данного исследования с лихвой компенсируются наличием крайне ценных «взглядов изнутри», которые позволяют выйти

за рамки ныне существующих методологически индуктивных¹ либо, наоборот, строго дедуктивных исследований.

В этой книге представлены как сравнительные, так и короткие иллюстративные исследования таких стран, как Эстония, Китай, Чехия, Грузия, Венгрия, Казахстан, Македония, Молдова, Польша, Румыния, Россия и Украина. В целом авторы значительно детализируют и расширяют наше понимание «реальной политики» в посткоммунистических режимах и успешно уводят внимание от западоцентричных описаний политических практик в рассматриваемых странах к насыщенным, локально-обусловленным концептуализациям этих политических систем. В контексте общемирового тренда разворота к автократиям, а также демократического отката в сложившихся демократиях, мы можем наблюдать и некоторый терминологический поворот в политологии, который, вероятно, произошел в ответ на осмысление опыта посткоммунизма. Однако, за редким, но ярким исключением, использование альтернативной терминологии (например, «клептократия» вместо «демократии»), к сожалению, пока не меняет общей идеологизированной американоцентричной тенденции дедуктивно-прескриптивного подхода, зачастую основанного на исторической амнезии.

Концептуальные, методологические и семантические инновации, предложенные в «Посткоммунистических режимах», безусловно, вызовут оживленную дискуссию среди ученых, студентов и других читателей, которые жаждут получить более ясное понимание сложного посткоммунистического мира.

¹ Индуктивный метод предполагает формулирование умозаключений на основе перехода от частных положений к общим, то есть снизу вверх (*прим. пер.*).

ВВЕДЕНИЕ

В ЛОВУШКЕ ЯЗЫКА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

После распада Советского Союза повсеместное распространение **либеральной демократии** как политического режима сопровождалось господством либеральной демократии **как описательного языка**. Иными словами, понятия социальных наук, которые разрабатывались для анализа государственных устройств западного типа, применялись к различным феноменам в недавно освобожденных странах. Исследователи стали описывать эти государственные устройства как некие разновидности демократии с определенным типом правительства, партийным устройством, системой сдержек и противовесов и т. д. Действительно, эти категории взаимосвязаны и формируют особый нарратив, представление о демократиях западного образца, где у категорий есть особые характеристики и свое относительное место, а также согласованность с другими категориями этой концепции. Таким образом, **использование языка либеральных демократий косвенным образом подразумевает структуру и логику государств западного типа**. То есть режимы, для описания которых используется этот язык, имеют общие характерные черты, определенный набор элементов и внутреннюю динамику либеральных демократий.

Подобная уверенность была вызвана чувством эйфории, которая охватила очень многих после краха коммунистических режимов. Примерно тогда же понятие «**конец истории**» стало общим местом. Эта фраза — несколько упрощенная версия того, что в действительности сказал Фрэнсис Фукуяма в 1992 году в своей книге с таким же названием¹, выражая неподдельный оптимизм в отношении уверенной победы

¹ *Fukuyama F. The End of History and The Last Man. New York: Free Press, 1992.*

либеральной демократии, которая должна дать импульс глобальной демократизации. Стоящий за этим **геополитический аргумент** заключался в том, что вышеупомянутый крах был **концом однозначного и привычного мирового порядка, определяемого гонкой двух сверхдержав**, одна из которых описывалась как демократия, а другая — как диктатура. Поскольку все мировые государства ассоциировались либо с одним полюсом, либо с другим¹, после распада Советского Союза и Восточного блока логично было бы думать, что теперь страны могут тяготеть только к полюсу-победителю — объединяться с США и Западным блоком. Добавим к этому активную политику Америки по распространению и поддержке демократии² — и вот уже легко понять, почему демократизация казалась неизбежной, а история действительно закончилась.

Эйфорический взгляд на посткоммунизм предполагал **либеральный аргумент**, важной частью которого был моральный стимул для глобального распространения прав человека, а также политической системы, которая может гарантировать соблюдение этих прав наилучшим образом³. С этой точки зрения смена режимов в эпоху посткоммунизма предоставляла уникальные возможности народам, находившимся под гнетом коммунистического правления, построить для себя свободные демократии, переняв ценности послевоенного Запада. С другой стороны, либеральный подход также означал **моральный запрет на полное признание исторического и культурного наследия посткоммунистических обществ**.

¹ *O'Donnell G., Schmitter P.* Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1986; *Diamond L., Linz J., Lipset S.M.* Democracy in Developing Countries. London: Lynne Rienner, 1989.

² *Carothers T.* Democracy Assistance: The Question of Strategy // Democratization. 1997. Vol. 4. № 3. P. 109–132; Idem. Aiding Democracy Abroad: The Learning Curve. Washington: CEIP, 1999.

³ *Holmes S.* Democracy for Losers // Brave New Hungary: Mapping the «System of National Cooperation». Lanham: Lexington Books, 2019. P. 291–302.

Невнимание к институциональным и культурным руинам коммунизма больше соответствовало либеральному взгляду на равенство людей. Согласно ему, каждая нация обладает одинаковым потенциалом к построению либеральных демократий западного типа, у них есть внутренне присущая жажда свободы западного образца — настоящей свободы, на которую люди имеют право, — просто эта жажда ранее подавлялась коммунистической диктатурой¹. В этом заключается одна из важных причин, по которой транзитология и исследования успехов демократизации фокусировались скорее на политическом методе смены режима, качестве структуры институтов, интересах элит и, наконец, видимой руке Запада, проявлявшей себя в экономико-политической взаимосвязи².

Геополитические и либеральные доводы подтверждали, что посткоммунистические страны должны рассматриваться в терминах либеральной демократии, представлявшей собой конечный пункт линейного развития, для достижения которого условия более или менее выполнялись. Специфические черты каждого государственного устройства описывались в терминах совпадения с телеологическими перспективами демократии или расхождения с ними. Любые отклонения от пути демократизации воспринимались как проблемы начального периода, которые преодолимы и которые необходимо преодолеть.

Со временем отклонения становились все более явными, парадигма транзита продолжала свое развитие³, научное сообщество отреагировало на это тем, что сменило ярлыки

¹ *Sen A.* Democracy as a Universal Value // *Journal of Democracy*. 1999. Vol. 10. № 3. P. 3–17.

² *Schmitter P., Karl T.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 1. P. 173–185; *Bunce V.* Should Transitologists Be Grounded? // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 1. P. 111–127; *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

³ *Carothers T.* The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 1. P. 5–21; *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War.

для обозначения режимов, при этом никак не переосмыслив саму парадигму. Другими словами, хотя для различных недемократических режимов и придумывались новые названия, лежащий в основе язык описания их характерных черт оставался практически неизменным. Использование новых категорий для различных элементов режима было намного более спонтанным, чем у компаративистов предыдущего поколения¹, и по большому счету никто не ставил перед собой задачу систематически пересмотреть фундаментальные категории и привести их в соответствие с новыми ярлыками.

Мы, несомненно, находимся в ловушке аналитического языка, который начал доминировать в 1990-е годы. Хотя парадигма перехода была единогласно отвергнута, мы продолжали пользоваться терминологией, предназначенной для анализа государств западного типа, и использовать язык либеральной демократии, чтобы описывать посткоммунистические режимы. Для теоретизации внутренних элементов последних использовались те же термины, как если бы эти государства действительно переняли вышеупомянутую логику и динамику либеральных демократий, несмотря на то, что они больше не считаются таковыми.

Язык либеральных демократий усиливает путаницу в теориях и взглядах о текущем состоянии посткоммунистических государств. Использование одних и тех же категорий для них и для западных стран неизбежно приводит к концептным «натяжкам» и порождает уйму скрытых допущений, многие из которых, как будет показано в этой книге, просто не подходят для описания посткоммунистических стран. Кроме того, контекст, обусловленный языком, искажает эмпирический анализ и сбор данных. Негативный эффект вышеупомянутых допущений о простой сопоставимости западных

¹ См. например, критический метаанализ этих изменений: *Cassani A. Hybrid What? Partial Consensus and Persistent Divergences in the Analysis of Hybrid Regimes // International Political Science Review. 2014. Vol. 35. № 5. P. 542–558.*

и посткоммунистических режимов лучше всего отражают так называемые непрерывные измерения. При помощи этих измерений количественно оценивается состояние и направление «демократического потенциала» (*democraticness*) государств с учетом определенных критериев и институтов, и страны располагаются на непрерывной шкале. Эти измерения затем структурируют, и в зависимости от совокупного показателя каждой стране присваивается «политический ярлык»¹. Исследовательские институты, такие как *Polity IV* и *Freedom House*, собирают стандартизированный набор доступных параметров по странам, и затем они суммируются с помощью одного и того же алгоритма для каждой страны. И хотя благодаря этому формируются приличные базы данных для научного использования, этот метод действительно подразумевает, что все режимы — западные или какие-либо другие — по сути одинаковы. Предполагается, что их можно понять и описать, если сфокусироваться на некоем универсальном наборе переменных, тех самых акторах и институтах, на которые в первую очередь направлен сбор данных. При этом все эти переменные структурированы одинаково и имеют одни и те же акценты, как того требует заявленная методология. Эти допущения и их сомнительность были бы очевидны, если бы разные элементы, принадлежащие разным контекстам, назывались бы разными словами. Уже стало бы ясно, что такой анализ похож на сравнение яблок и апельсинов или, скорее, яблок и кенгуру². Однако язык либеральной демократии скрыл структурные различия и даже допущение об их возможном наличии, позволив анализировать посткоммунистические режимы так, как будто они западные.

¹ См. например, критический метаанализ: *Bogaards M. Where to Draw the Line? From Degree to Dichotomy in Measures of Democracy // Democratization. 2012. Vol. 19. № 4. P. 690–712.*

² *Bunce V. Should Transitologists Be Grounded? P. 112. Ср.: Sartori G. Comparing and Miscomparing // Journal of Theoretical Politics. 1991. Vol. 3. № 3. P. 243–257.*